
ВЗРОСЛЕНИЕ КАК ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ: ВОЗМОЖНОСТИ АНАЛИЗА НАРРАТИВОВ*

Е.С. Павленко

Центр культурсоциологии и антропологии образования
Научно-исследовательский университет — Высшая школа экономики
Потаповский пер., 16-10, Москва, Россия, 101000

В условиях современного высокодифференцированного общества культура и связанные с ней символические процессы приобретают все большую значимость. Это затрагивает многие ключевые социальные феномены, в частности процесс взросления, или «переход к взрослости». Процесс взросления и сам образ взрослого изменяются, что требует привлечения новых концептуальных ресурсов для понимания их современной специфики. В разработке чувствительного к символическим процессам языка описания взросления значительно продвинулась культурпсихология. В ее рамках начал последовательно разрабатываться аппарат для изучения развития индивида с точки зрения его обусловленности нарративами. Однако, несмотря на то, что на уровне исследовательских задач авторы стремились разработать такой подход к взрослению, который бы учитывал социальные факторы (такие как роль сообщества, коллективных практик и представлений о процессе взросления), на деле социальная реальность оказывалась сведенной к идеологическому дискурсу. В рамках социологии инструментами для культурно-ориентированного анализа формирования жизненных траекторий и взросления располагает культурсоциология и предложенный в ее рамках способ работы с нарративами. С опорой на этот подход задача исследования взросления формулируется как выделение жанрового и категориального репертуара современного взросления в нарративах молодежи, восстановление тех категорий, которые создают для современной молодежи пространство осмысленного действия и возможность осмысленного высказывания о собственном взрослении.

Ключевые слова: нарратив; идентичность; система смыслов; взросление; молодежь; жанры взросления, культурсоциология; культура.

Поле исследования формирования жизненных путей на сегодняшний день наполнено как социологическими, так и психологическими работами. Психология представлена сразу в двух полях — с одной стороны, она ограничивается изучением средств повышения индивидом эффективности его работы по достижению благополучия [20]. Психологические направления здесь развиваются в крепкой связи с прагматически-ориентированным карьерным и жизненным консультированием. С другой стороны, психология представлена теориями развития индивида и личности (которая иногда заменяется идентичностью). Социология, в свою очередь, представлена в основном исследованиями жизненного курса (life course, которые создавались в качестве альтернативы психологической теории life span, описывая развитие как более социально-укорененное) и неравенства [9]. Социология также занимается изучением отдельных «стадий» развития — например, молодежи или людей пожилого возраста, фокусируясь либо на практиках этих

* В статье использованы данные панельного исследования «Траектории в образовании и профессии» (ТрОП – <http://trec.hse.ru/>). Исследование осуществлено при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

групп, либо на восприятии их сообществом. Фокусируясь на изучении групп, выделенных на основе «стадий» или «возрастов», социология, особенно изучая юные и молодежные возрастные когорты, инкорпорирует представление о дроблении и длительности жизненного пути из психологии. Поэтому исследователь, стремящийся построить социологический аппарат для описания формирования индивидуальной биографии или социализации, в конечном итоге обращается к аппарату, разработанному в психологии.

В исследованиях жизненного курса изучаются как пути (pathways), так и траектории (trajectories). При этом «путь» — обобщенная траектория, которая является результатом включенности индивида в работу институтов и которая легко объективируется, просчитывается в терминах дат и сроков начала и конца определенных периодов (школы, работы и т.д.). При этом объективация «пути» не берет в расчет перспективы акторов, которые его выстраивают. Это осуществляется при анализе «траекторий» — перспективы индивида, позволяющей рассмотреть в подробностях механику принятия решений [16]. Здесь основное проблемное поле формируется: а) вопросами неравенства, тем как оно создается и наследуется, преодолевается в рамках одного пути или траектории; б) вопросами «взросления», понимаемого как вступление в ключевые роли: окончание образования, выход на рынок труда, отъезд из родительского дома, супружество, родительство; в) построением моделей принятия решений.

Несмотря на декларируемый интерес к конструированию траектории самими индивидами и изучению ее развития в динамике, социологические исследования жизненных траекторий в своей методологии остаются далеки от интерпретативной перспективы и не рассматривают траекторию как целостное смысловое единство, как работу по интерпретации, и как предмет интерпретации (в отличие от объяснения).

В то же время существует теоретически и методически проработанная традиция социологических исследований биографии, то есть жизнеописания, объединяющая множество разнородных концептуальных схем фокусом на одном объекте (биографии), включающая достаточно широко разработанный интерпретативный аппарат.

Можно выделить два широких направления биографических исследований [12]:

1. Традиционные, больше фокусирующиеся на биографии как объективированной структуре. Ярким примером таких исследований в отечественной науке является масштабный проект «Пути поколения» Мика Титмы [4]. Это направление исследований биографии существенно перекликается с исследованиями жизненных путей, в том виде, как они существуют сегодня.

2. Интерпретативные, связанные с рассмотрением и герменевтическим анализом перспективы субъекта биографии. Эти подходы сегодня ассоциируются с именами Габриэль Розенталь, Фрица Шутце (и стоящей за ним немецкой герменевтической традиции). Отечественные исследования здесь представлены такими авторами как В.Б. Голофаст [3], В.Г. Безрогов [2], В.В. Семенова [6], Е.Ю. Рождественская [6].

Развитие социальной мысли XX в., связанное со структурализмом и вниманием к литературе, как в России, так и за рубежом, привело к тому, что исследователи стали работать с биографией как с нарративом. В России нарративный подход к биографии наиболее полно разработан Е.Ю. Рождественской [6]. В ее исследованиях вводится концепт «нарративная идентичность» и делаются шаги по интеграции перспективы нарративной идентичности с целью насыщения герменевтических возможностей биографического метода.

У Поля Рикера «нарративность» в вопросе о нарративной идентичности отсылает не только к связности повествования, наличию сюжета, начала и конца [18]. «Нарративность» — это то, что позволяет связать воедино самые гетерогенные элементы: случайные обстоятельства, открытия, актора действия и реципиента, вынужденного справляться с последствиями. В трактовке нарративной идентичности, данной Е.Ю. Рождественской, она рассматривается как ситуативный символический продукт, производимый в момент проведения интервью. Такой подход дает насыщенные результаты, однако работает с нарративами сложившихся биографий, не располагая аппаратом для анализа формирования биографии, как и аппаратом, позволяющим изучать источники нарративов. Кроме того, этот подход не позволяет оценить изменения в нарративной идентичности, происходящие со временем.

Решить поставленные интерпретативные задачи, на наш взгляд, лучше всего позволяет исследовательская программа современной культурсоциологии [1]. Она рассматривает смыслы действия не как субъективно-индивидуальные, а как коллективно производимые и разделяемые. Она фокусируется на том, как определенные смысловые конструкции обретают убедительность, а другие, напротив, оскверняются или выходят из употребления. Культурсоциология стремится усилить возможности теоретических решений классиков социологии, главным образом позднего Э. Дюркгейма, используя для этого разработки герменевтики и структурализма, одновременно пытаясь преодолеть ограничения этих направлений, которые стали явными со времени их разработки [1; 8].

Задача исследователей здесь состоит в том, чтобы интерпретативно реконструировать смыслы, с которыми соотносит свое понимание окружающего мира и своего действия в нем индивид, объяснить, как эти смыслы были коллективно произведены, а также объяснить культурные механизмы, которые сделали эти смыслы «имеющими смысл», актуальными и активно используемыми.

КУЛЬТУРПСИХОЛОГИЯ ОБ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ПРОЦЕССА РАЗВИТИЯ

Однако в рамках культурсоциологии не существует разработанной методологии изучения социализации и развития траектории индивида во времени, то есть рассмотрения жизни как результата определенной символической работы по созданию смыслового комплекса, позволяющего планировать и воплощать биографию. Такая традиция начала формироваться в психологии с подачи Бертрама Колера [14].

Колер — один из авторов, стоявших у истоков нарративной психологии, однако он — единственный исследователь, последовательно стремившийся создать

аппарат для изучения развития индивида с точки зрения его обусловленности нарративами. Сегодня нарративная психология является признанным, хотя и несколько маргинальным направлением, однако она не применялась широко к анализу становления индивида как социального актора.

В своем дисциплинарном поле этот подход поначалу не встретил большой популярности, однако в последние годы у него появилось несколько последователей. Колер предложил свой подход в 1980-е гг., не встретив большого внимания, поэтому в последующие 20 лет не было предложено существенных разработок этого подхода. Однако сегодня психология вновь вернулась к его работам, что, вероятно, связано с общим ростом интереса к исследованиям жизненного пути и жизненного курса.

Такие последователи Колера, как Филипп Хаммак, Эрин Тулис, Брайна Шифф, развивают его теорию, продолжая изучение развития и конкретно взросления индивида, как результат вовлеченной работы по конструированию нарратива собственной идентичности.

Суммируя подход Колера, Брайан Шифф [19] выделяет четыре центральных тезиса. Во-первых, тезис о том, что «я» является нарративным конструктом и результатом интерпретативной работы индивида. Во-вторых, тезис о том, что этапы развития различаются по типам нарративов. В-третьих, нарративы всегда рассказываются в определенном времени (личностном и историческом). Наконец, в-четвертых, индивиды стремятся к связности в нарративах.

Вслед за Колером Хаммак и Тулис утверждают, что для конструирования идентичности нарратив, т.е. рассказ о себе, играет одну из ключевых ролей [15].

Колер настаивал на интерпретативном, идиографическом подходе к изучению развития жизни, поэтому выбрал в качестве основы, источника теории развития альтернативный господствующему тогда в психологии подходу life-span более социологичный life course. Взросление для него — это всегда культурный дискурс, который связан с определенным историческим временем и местом, а не момент в биографии, он настаивал на отсутствии универсальных законов развития. Однако, несмотря на то, что декларативно он отстаивал рассмотрение развития индивида с точки зрения самого индивида, то есть интерпретативно, в своих исследованиях на тот момент ему не удалось полностью реализовать такую методологию: его подход все еще оставался достаточно редукционистским. Он полагал, что релевантным и значимым является только опыт воспитания в семье.

Сегодня последователи, примкнувшие к нему в 1990-е, продолжают развитие данной концепции. Ресурсы для этого они нашли в теории Выготского, который утверждал, что развитие индивида укоренено в культурно-исторических характеристиках среды, а также в критических теориях.

Колер определял развитие как процесс реконструктивной деятельности, осуществляемый с помощью нарратива, т.е. переработки личного опыта в историю. Он утверждал, что такой подход лучше отражает реальные практики, с помощью которых индивиды формируют свою идентичность на протяжении всей жизни. Индивиды придают смысл событиям, которые с ними происходят благодаря тому, что конструируют связную историю жизненных событий с определенной хро-

нологией. Колер полагал, что развитие — это не независимый процесс, он опосредован языком.

Для Колера нарратив — это не продукт, а процесс. Именно в этом аргументе Хаммак и Тулис проводят параллель между данным тезисом и тем, что Выготский также считал язык социальной практикой. Выготский различал внутреннюю и социальную (внешнюю) речь. Тогда развитие может быть переопределено как взаимодействие между внутренней и социальной речью, и таким образом возникает термин «нарративная вовлеченность» (*narrative engagement*). В дополнение к Выготскому Хаммак и Тулис также привлекают и Бахтина, в связи с тем что он указывал на роль господствующей идеологии в развитии и обусловленность нарративов идеологией.

Обращение к этим ресурсам позволяет авторам переопределить термины Выготского: как персональный нарратив (аналог внутреннего) и мастер-нарратив (аналог внешнего, задаваемого надындивидуально). Развитие тогда переопределяется как вовлеченная работа с господствующими надындивидуальными мастер-нарративами. Как результат, речь идет не столько о нарративном конструировании, сколько о нарративном вовлечении в работу с господствующими мастер-нарративами.

В отличие от Колера, который признавал важность для нарратива только родительского опыта, Хаммак и Тулис утверждают, что сама идея взрослости ассоциируется с нормативными ролями и ожиданиями, которые создают определенные формы воспроизводства моделей жизни и неравенства (например, гетеросексуальность). Хаммак предлагает рассмотреть взросление как интерпретативное и активное взаимодействие с господствующими, коллективно разделяемыми нарративами взрослости. Мастер-нарратив взросления позволяет поддерживать статус-кво.

Наиболее показательна эта теория проработана на эмпирическом кейсе гомосексуальной идентичности. Хаммак и Колер [11] проводят исследование формирования гендерной идентичности и демонстрируют, как гендерная идентичность затрагивает проблематику взросления. Они говорят о том, что индивиды с нетрадиционной гендерной репрезентацией не могут «повзрослеть» в культурно-признанном смысле, поскольку маркеры взросления связаны с устоявшимися гендерными ролями (например, создание семьи, рождение детей).

Аврил Торн и Вики Нам, в своих исследованиях отталкиваясь в том числе от традиции Колера, отмечают, что необходимо рассматривать нарративное конструирование идентичности в соотношении с сообществом, частью которого является индивид [22]. Авторы указывают на то, что постольку поскольку истории рассказываются в определенной среде и для определенной аудитории, они получают и определенную ответную реакцию. Они могут быть опровергнуты, подвергнуты сомнению, или поддержаны и развиты.

Обусловленность развития социальным контекстом и сообществом, проводником которого становится нарратив, преобразуется также в эффект поколения для формирования идентичности, поскольку взросление и социализация когорт, переживших в определенном сообществе определенный опыт, отличается

от социализации других индивидов. Например, в работе «Дети Великой депрессии» основоположника теории жизненного курса речь идет именно об этом. В аналогичной логике Колер и Хаммак описывают роль восстания в Стоунволле, связанную с отстаиванием прав гомосексуальных сообществ, в формировании идентичности геев до и после этих восстаний. В первом случае идентичность более репрессированная, во второй с ней связывается уже более романтический, героический нарратив, включающий в себя трансформативный опыт протеста.

РАЗЛИЧИЯ ПОДХОДОВ КУЛЬТУРПСИХОЛОГИИ И КУЛЬТУРСОЦИОЛОГИИ

Когда культурпсихология обращается к рассмотрению социальной обусловленности развития индивида, она игнорирует многие социальные механизмы и обращается только к структуре власти. Культурпсихологов интересует интериоризация мастер-нарративов на индивидуальном уровне. Так выглядит «нарративная вовлеченность» в концепции Хаммака и Тулиса, равно как и в работе Колера и Хаммака. Социальное для них в первую очередь — доминирующий идеологический дискурс, властные иерархии, принуждение. Таким образом, в культурпсихологии социальная реальность оказывается упрощена и редуцирована. В этом обнаруживается одна из центральных проблем нарративного подхода к взрослению в культурпсихологии. Несмотря на то, что на уровне исследовательских задач авторы стремятся разработать такой подход к взрослению, который бы учитывал социальные факторы, роль сообщества, коллективных практик и представлений, на деле социальная реальность оказывается сведена к идеологическому дискурсу.

Такое редуцирование обуславливается дисциплинарной спецификой психологии: какие бы факторы не включались в число переменных, основным интересом всегда является индивид и механизмы достижения им благополучия. (Даже в том случае, когда культурпсихологи описывают основные функции нарратива как конструирования идентичности через рассказывание историй, или описывают, как нарратив позволяет придать смысл не отдельной жизни самой по себе, но этой жизни в отношении окружающей социальной жизни.)

Реконфигурация акцентов в данном вопросе, смещение фокуса исследовательского вопроса с индивида на коллективные процессы и механизмы приводит нас к культурсоциологии. Культурсоциология в таком случае могла бы поставить своей задачей показать, что индивид является отражением задействованных им символических ресурсов и механизмов, порой гораздо более локальных, чем идеологии, и идеология есть только частный случай символического ресурса. Паттерны и ресурсы, которые полагаются индивидуальными, в действительности коллективно создаются и передаются. В одних случаях формирование идентичности более тесно связано с некой коллективной идеологией, а в других — менее [4; 16]. Именно при такой формулировке возможно задать вопрос: в каком случае более важным оказывается ресурс национальной истории (как в случае с палестинской и израильской молодежью), в каких — гендерной (как в случае с гомосексуалистами), в каких — совершенно иные.

Культурсоциология может послужить значимым источником для пересмотра концепций взросления с точки зрения социологии, и как следствие, способствовать пересмотру подходов к изучению молодежи и взросления. Подростковый и молодежный период жизни являются культурными конструктами. Чтобы разобраться в том, как они проживаются современной молодежью, важно понимать, во-первых, их источники, во-вторых, ресурсы и инструменты, которые используются современными молодыми людьми в условиях необходимости «выкраивания» собственного способа интерпретации окружающей событий из многообразных доступных источников — литературы, кино, музыки, идеологии, дискурса.

Культурпсихологи дошли в вопросе объяснения коллективной обусловленности развития индивидуального пути дальше, чем социологи. Они подвергают де-универсализации такие концепты, как возраст и конкретные стадии развития. Например, они указывают на то, что подросток рассказывает различные истории своим одноклассникам, одноклассникам, родителям и старшим друзьям. Они также указывают на то, что процесс «отбора» индивидуального опыта с точки зрения того, подлежит ли он интеграции в нарратив или нет, обусловлен не только психологическим напряжением (например, диссонансом), но и социальным. Например, психологический диссонанс возникает, когда индивид рассказывает что-то, с чем он на самом деле не согласен. Социальный же диссонанс возникает в связи с социальным «давлением», когда возникает возможность, с одной стороны, усомниться в навязываемом пути, с другой стороны, выбрать или сконструировать иной, опираясь на символические ресурсы.

Тем не менее, культурпсихология остается сфокусированной на индивиде, хотя в качестве влияющих факторов она начинает все больше и больше рассматривать социальные феномены. Культурсоциология же в свою очередь еще не отошла от анализа макро-социальных процессов, таких, как выборы или коллективная травма, которые в массе своей опираются на анализ публичного дискурса как отражения коллективного сознания. В некоторых аспектах подхода к изучению идентичности как нарратива культурпсихологи вплотную подходят к вопросам, с которыми работает культурсоциология. В данном случае точкой сочленения является теория перформанса, перенесенная в индивидуальную плоскость. И тезис о том, что нарративы рассказываются и представляются и тезис о том, что индивиды стремятся к связности, являются теми точками, в которых данный подход может быть трансформирован и продвинут культурсоциологией.

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ВЗРОСЛЕНИЯ

Изменения, происходящие сегодня в социальной структуре (в образовании, на рынке труда) важны не только с точки зрения того, что они создают сдвиги в структуре жизненного курса, но и с точки зрения того, что они являются отражением перемены в коллективных представлениях. Иными словами, молодость и взросление сегодня трансформируются не только потому, что меняются условия образования и рынка труда, экономики, но не в последнюю очередь потому, что

меняются ключевые способы построения идентичности и осмысления индивидуальной жизни.

С точки зрения культуры, специфика взросления задается для начала в самой категоризации. Оппозиция «ребенок—взрослый» является одной из самых базовых, наравне с «мужское—женское». При этом то, где именно проходит границы ребенок/взрослый, определяется не только биологически (нельзя отрицать физическую обусловленность), но и культурно. В традиционных обществах существуют обряды инициации, маркирующие изменения статуса с ребенка на полноценного члена сообщества. Сегодня же мы наблюдаем и большее разнообразие в статусах (подросток, молодежь), и отсутствие четко очерченных обрядов инициации. И подростковость, и молодежь попадают в пространство «между» ребенком и взрослым. В логике ритуалов перехода это пространство лиминально [23].

Молодость — это такое символическое пространство, которое уже не управляется категоризацией «ребенок», но и не может быть проинтерпретировано через категорию «взрослости», что оставляет подростков и молодежь в позиции амбивалентности. Молодые люди, которые проходят через данный этап, испытывают на себе последствия этой амбивалентности. На уровне индивида это означает неустойчивость структуры смыслов, которыми он руководствуется при проектировании и осуществлении своих действий, воплощения планов.

С точки зрения культурсоциологии молодежь может быть рассмотрена в двух плоскостях.

Во-первых, можно рассматривать макро-символические процессы, фиксируемые на уровне дискурсов и связанные с трансформацией категоризации жизненного пути. Появление новых категорий, — таких как подростки, молодежь, кидалты, возникающий взрослый (*emerging adult*), пост-подросток — требует рассмотрения механизмов перехода, поскольку появление той или иной новой категории отражается на всей системе различий и, соответственно, требует анализа сопутствующих переходов.

Во-вторых, можно рассматривать процесс формирования идентичности в ходе взросления как индивидуальную, но коллективно стимулируемую и верифицируемую работу по созданию того комплекса смыслов, руководство которым и маркируется как достижение «взросления». Этот второй анализ и можно провести в русле анализа нарративов.

Культурсоциологический способ работы с нарративами в публичном дискурсе разработал Ф. Смит [20]. Он стремился проинтерпретировать, как в том или ином случае происходит объявление или необъявление войны, и искал культурные механизмы, стоящие за этим коллективно санкционируемым решением. Он указывает на то, что этот процесс необходимо рассматривать как руководимый не только рациональными соображениями или государственными интересами, но и в том числе мифами и нарративно-жанровыми конструкциями.

Поскольку культурсоциология работает с семиотикой, то и Смит отталкивается именно от нее. Однако он указывает на то, что есть два способа рассмотрения систем знаков — парадигматический (синхронический) и синтагматиче-

ский (диахронический). Можно рассматривать систему знаков как статическую (в этой логике работали Клод Леви-Стросс, Ролан Барт, Маршал Саллинз) или как систему развертывающуюся, т.е. нарративную (в этой логике работали Владимир Пропп, Поль Рикер). Культурсоциология сочетает обе логики.

Смит настаивает, что две эти логики не исключают друг друга, а напротив, работают с двумя специфическими осями смысла, ни одна из которых не может претендовать на гегемонию. Бинарные оппозиции классифицируют окружающий мир, эти классификации восходят к различению сакрального и профанного, что делает их в конечном счете моральным критерием. Нарративы же расписывают роли и сценарии, атрибутируют каузальность, ответственность, агентность, формируют ожидания, предоставляют модели действия.

Основной механизм, с помощью которого мир структурируется бинарными оппозициями, — это различение. Для нарратива такой механизм — выстраивание последовательности. Ставка и той и другой логики — создание таких комплексов различений (в случае бинарных оппозиций) и таких историй, которые рассматриваются как само собой разумеющиеся, логичные, убедительные и консистентные.

НАРРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ ВЗРОСЛЕНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

Мы полагаем, что созданный Ф. Смитом эскиз методологии можно перенести на анализ историй становления подростков и молодых людей. Он позволяет компенсировать ограниченность психологического подхода. Наша гипотеза состоит в том, что в современных условиях, характеризующихся, с одной стороны, возникающей рефлексивностью, с другой, — разложением традиции [13], взросление представляет собой формирование индивида как социального актора, и происходит благодаря тому, что он формирует устойчивый способ интерпретации окружающих событий и принятия решений (идентичность).

Идентичность формируется как способность говорить о своей жизни определенным образом (нарратив) в пространстве смыслов, ограниченном определенным набором категорий (бинарные оппозиции). Способность говорить и думать о своей жизни являются теми социальными компетенциями, которые отличают современную биографию. Идентичность существует как символический коллективно созданный конструкт, позволяющий придавать смысл окружающему миру и таким образом осуществлять в нем социальное действие и поддерживать социальный порядок.

При этом взросление не является стабильным процессом. Как указывал и Арнетт [9], с прохождением через взросление меняется и понимание того, что такое быть взрослым. Эта конструкция не является неизменной, но и не является предельно гибкой и контингентной.

Несмотря на то, что такой способ рассмотрения взросления отрицает детерминированность и нормативность в том, по какому пути взросление должно строиться, он утверждает необходимость существования утвержденной, «опробованной» в коллективе, устоявшейся идентичности, рассматриваемой как символиче-

ская структура, позволяющая интерпретировать окружающий мир. Такая структура должна быть устойчивой и в определенной степени консистентной. Консистентность, в свою очередь, задается механизмами культуры как таковой, например, логикой оппозиции сакрального и профанного, логикой нарратива. Если эта структура неустойчива, она вызывает диссонанс, психические проблемы, равно как и проблемы социальной интеграции и полноценной включенности в социальную жизнь.

Анализ нарратива применим в интервью к историям достижения целей, историям, заданных некоторым завершением (или завершениям, под которые созданы истории). Такими могут быть истории выбора специальности, истории преодоления проблем (неприятия в школе, депрессии, любви, отношений в семье). Бинарные оппозиции позволяют восстановить полюса сакрального и профанного, которые являются предельными границами идентичности и способа придания смысла.

В ходе интервью, рассказывая свою историю, информанты не только рассказывают, но и обосновывают, легитимируют свои решения и выборы, этот материал позволяет раскрыть категории, которые структурируют их взгляд на окружающий мир и формируют действие в нем, позволяют интерпретировать мир и свои действия в границах, заданных этими категориями. Нарратив подростков может иметь разные жанровые структуры. Например, он может быть построен в романтическом жанре, описывающем тернистый путь, который «герой» рассказа прошел, прежде чем «повзрослел». Но это может быть также и трагический нарратив. Разные жанры нарративов взросления влияют на то, как будут приниматься значимые решения — о продолжении образования, выборе профессии, организации досуга, выборе партнера. На это указывал и Поль Рикер в своей этико-философской концепции влияния нарратива на способы действия субъекта.

Исследовательская задача, таким образом, должна состоять в том, чтобы обнаружить жанровый и категориальный репертуар современного взросления, восстановить те категории, которые создают для современной молодежи пространство возможных смыслов и осмысленного высказывания о собственном взрослении.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Александр Дж., Смитт Ф.* Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. № 2.
- [2] *Безрогов В.Г.* Автобиография и социальный опыт // Социальная история: Ежегодник. 2001/2002 / Под ред. И.Ю. Новиченко. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
- [3] *Голофаст В.Б.* Многообразие биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1.
- [4] *Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение / Под ред. М.Х. Титма.* Таллинн: Ээсти раамат, 1985.
- [5] *Куракин Д.Ю.* Социологическая грамматика культурных смыслов // *Александр Дж.* Смыслы социальной жизни. М.: Праксис, 2013.
- [6] *Рождественская Е.Ю.* Биографический метод в социологии. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2012.

- [7] Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Под ред. В. Семеновой, Е. Фотеевой. М.: Ин-т социологии РАН, 1996.
- [8] *Alexander J.C., Smith P.* The strong program in cultural sociology: Elements of a structural hermeneutics // *The Meanings of Social Life: A Cultural Sociology*. Oxford: Oxford University Press, 2003.
- [9] *Arnett J.J.* Emerging Adulthood. The Winding Road from the Late Teens Through the Twenties. Oxford-N.Y.: Oxford University Press, 2004.
- [10] *Blau P.M., Duncan O.D.* The American Occupational Structure". N.Y.: Free Press, 1967.
- [11] *Cohler B.J., Hammack P.L.* The psychological world of the gay teenager: Social change, narrative and "normality" // *Journal of Youth and Adolescence*. 2007. Vol. 36. Issue 1.
- [12] *Denzin N.K.* Interpretative Biography. London: Sage Publications, 1989.
- [13] *Giddens A.* Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age. Stanford: Stanford University Press, 1991.
- [14] *Hammack P.L.* Narrative and the cultural psychology of identity // *Personality and Social Psychology Review*. 2008. Vol. 12. No. 3.
- [15] *Hammack P.L., Toolis E.* Narrative and the social construction of adulthood / B. Schiff (ed.) Rereading Personal Narrative and Life Course // *New Directions in Child and Adolescent Development*. 2014. Vol. 145.
- [16] *Kurakin D.* Russian Longitudinal Panel Study of Educational and Occupational Trajectories: Building Culturally-Sensitive Research Framework / Working papers by NRU HSE. Series WP IE "Научные доклады Института образования". 2014. No. WP 01/IE/2014.
- [17] *Pallas A.M.* Educational transitions, trajectories, and pathways / Mortimer J.T., Shanahan M.J. (eds.) *Handbook of the Life Course*. N.Y.: Springer, 2002.
- [18] *Ricoeur P.* Narrative identity // *Philosophy Today*. 1991. No. 35.
- [19] *Schiff B.* Introduction: Development's story in time and place // B. Schiff (ed.) Rereading Personal Narrative and Life Course // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2014. Vol. 145.
- [20] *Smith P.* Why War?: The Cultural Logic of Iraq, the Gulf War and Suez. Chicago: The University of Chicago Press, 2005.
- [21] *Super D.E.* Career and life development // D. Brown, L. Brooks & Associates (eds.) *Career Choice and Development*. San Francisco: Jossey-Bass, 1984.
- [22] *Thorne A., Nam V.* The life story as a community project // *Human Development*. 2007. Vol. 50.
- [23] *Turner V.W.* The Ritual Process. Structure and Anti-Structure. New Brunswick: Aldine Transaction, 2009.

LIFE TRAJECTORY AS A PROCESS OF IDENTITY FORMATION: THE POTENTIAL OF NARRATIVE ANALYSIS

E.S. Pavlenko

Center for Cultural Sociology and Anthropology of Education
National Research University — Higher School of Economics
Potapovskiy Per., 16-10, Moscow, Russia, 101000

In the contemporary highly differentiated society, culture and the symbolic processes within it are becoming increasingly important. The strengthening of symbolic mechanisms effect is obvious in many social phenomena, in particular in the transition to adulthood. The process of growing up and becoming an adult, as well as the image of adulthood itself, are transforming, which demands that social researchers

seek for new conceptual resources for understanding the new nuances of the transition to adulthood in the contemporary society. Cultural psychology has developed the categorical apparatus that is quite sensitive to the symbolic processes within the personality development in the course of transition to adulthood. Cultural psychologists believe that every life trajectory as a process of personal identity development should be studied as determined by narratives and narration. However, despite the claim and intention to develop an approach that would take into account social factors (such as community influence, role of collective practices, and dominant social representations of adulthood) in fact, cultural psychologists prefer to conceptualize the nowadays social reality as reduced to the political and ideological discourses. Thus, cultural sociology can provide theoretical means for analyzing narratives of transition to adulthood as mainly collective processes, therefore discovering the symbolic mechanisms of transition to adulthood through life stories. With cultural sociology as a conceptual background for the development of appropriate tools for youth studies in sociology, there is a quite new research agenda, which consists of discovering genres and categorical repertoire of becoming an adult in narratives of the younger people. This can lead to the sociological reconstruction of categories that create the meaningful space of coming of age, from which young people draw resources to create meaningful narratives about their life trajectories in the past and future.

Key words: narrative; identity; system of meanings; becoming an adult; youth; genres of narrative becoming an adult; cultural sociology; culture.

REFERENCES

- [1] *Alexander J., Smith P.* Silnaya programma v kultursociologii [Strong program in cultural sociology]. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2010. V. 6. No. 2.
- [2] *Bezrogov V.G.* Avtobiografiia i socialnyi opyt [Autobiography and social experience]. *Sotsialnaya istoriya: Ezhegodnik*. 2001/2002. Ed. I.U. Novichenko. M. Rossiiskaya politicheskaya enciclopedia, 2004.
- [3] *Golofast V.B.* Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovaniy [Diversity of biographical narratives]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1995. No. 1.
- [4] *Zhiznennyi put pokoleniya: ego vybor i utverzhdenie* [Life path of the generation: Its choice and establishment]. Ed. M.Kh. Titma. Tallinn: Eesti raamat, 1985.
- [5] *Kurakin D.U.* Sotsiologicvheskaya grammatika kulturnykh smyslov [Sociological grammar of cultural meanings]. *Aleksander J. Smysly sotsialnoy zhizhni*. M.: Praksis, 2013.
- [6] *Rozhdestvenskaya E.U.* Biograficheskii metod v sociologii [Biographical Method in Sociology]. M.: Izdatelskiy dom NIU VSHE, 2012.
- [7] *Sudby liudei: Rossiya XX vek. Biografii semei kak objekt sociologicheskogo issledovaniya* [People's Destinies: Russia in the XX century: Family Biographies as an Object of Sociological Study]. Ed. V. Semenovoi, E. Foteievoi. M.: In-t sociologii RAN, 1996.